

ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ БАХТИН (Воронеж, Россия)

*СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ
НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ НЭПА: МИКРОАНАЛИЗ НА
ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ РСФСР*

Годы новой экономической политики стали периодом поиска путей дальнейшего развития. Авторитарный политический режим, установившийся в Советской России после победы большевиков, не обладал полным контролем над всеми сторонами общественной жизни. В стране еще существовали многие автономные общественные институты. Возврат к рыночной экономике, признание частной собственности, легализация частного предпринимательства способствовали и изменению общественного сознания. Общество постепенно реанимировалось после братоубийственной гражданской войны.

Однако территория Советской России включала в себя ряд территориальных образований, которые имели существенные различия. Воронежская губерния также обладала особой социально-экономической спецификой. По данным на 1 января 1924 г. губерния включала 12 уездов и 214 волостей. После районирования в июне 1924 г. губерния была разделена на 9 уездов и 92 волости. Площадь губернии составляла 65,3 тыс. км.² На данной территории проживало 3200,8 тыс. человек, в том числе городского – 298,7 тыс. чел. и сельского 2 902,1 тыс. человек.¹ Как видно из приведенных данных, регион являлся традиционным, аграрным с низким уровнем урбанизации. Военные действия гражданской войны, политика “военного коммунизма” негативно сказались на динамике городского населения. Так, если в 14 городах Воронежской губернии в 1917 г. проживало 267 тыс. человек, то в 1920 г. горожан стало 223 тыс.² Таким образом, за 5 лет города потеряли 45 тыс. человек или 17 % от численности 1917 г. В 1920 г. в губернии вспыхнет крупное

---

1. *Весь СССР. Экономический, финансовый, политический и административный справочник*, под ред. М. Г. Бронского и М. А. Сиринова (Москва-Ленинград: Знание, 1926), с. 496.

2. Там же.

антибольшевистское восстание, которое возглавит Колесников. И позднее он войдет со своим войском в состав знаменитой антоновской армии. Восточные уезды Воронежской губернии примкнули к антоновскому восстанию.³

Провозглашение нэпа, отмена продразверстки в начале 1921 г. не привело сразу к позитивному восприятию власти населением. Новая политика стала первоначально даже более обременительной для сельского населения. По официальным сведениям сумма продовольственного налога, по мнению секретаря губкома Агеева, оказалась тяжелее разверстки.⁴ Многие местные руководители также подчеркивали и предупреждали о возможных губительных последствиях продналога. В частности, секретарь партийной ячейки Богучарского уезда сообщал, что выполнить налог на 100 % невозможно, ввиду неурожая и большого недосева в 1920 г.⁵ Данное мнение разделяли и другие руководители.⁶

Пленум воронежского губкома РКП(б), проходивший 20-23 ноября 1921 г., отмечал, что воронежский крестьянин – слабый налогоплательщик. Он сдавал в счёт налога или свой семенной материал, или выполнял налог за счёт своего живого инвентаря, меняя его на хлеб – в результате оставался совершенно без семян и скота. Продналог может окончательно подорвать сельское хозяйство, а также привести к вымиранию крестьянства.⁷ Кампания по выполнению продналога в 1921 г. почти не отличалась от выполнения продразверстки. Работали выездные сессии, ревтрибуналы, производились аресты, конфискации имущества неплательщиков. В частности, трибуналы осенью 1921 г. действовали практически во всех волостях Нижнедевицкого уезда.⁸ В Богучарском уезде также широко применяли аресты.⁹

За годы войн в деревне исчезли страховые запасы, до минимума сократилось поголовье скота, болезни и лишения подор-

---

3. См. *Крестьянские восстания в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. Антоновщина: Документы и материалы* (Тамбов: Редакционно-издательский отдел, 1994).

4. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 47.

5. Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 22. Л. 9 об.

6. См.: Там же. Л. 59.

7. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 44.

8. Там же. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 73. Л. 78.

9. Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 22. Л. 30, 38.

вали здоровье сельского населения, особенно детей. Засуху крестьянские хозяйства встретили обескровленными. Тревожные сигналы о надвигающемся несчастье стали поступать с весны. В частности, 15 апреля 1921 г. из уездного Калача телеграфировали в губернский Воронеж:

Уезд переживает жестокий продовольственный кризис. В распоряжении Упродкома имеется около 350 пудов хлебных суррогатов, состоящих из разных отходов овса, который забронирован для нужд детских закрытых учреждений, больниц, заключенных. Тяжесть голода разрушила уездный аппарат, рабочие, служащие покинули работы, учреждения опустошены. Ежедневно являются в Упродком задыхающиеся, пухлые от голода, требуя продовольствия. Констатируются случаи массовой голодной смерти.¹⁰

Аналогичная ситуация была и в других уездах губернии. В мае 1921 г. работники Воронежского губчека разбили территорию губернии на 3 района, в соответствии с экономической ситуацией, сложившейся в различных уездах. В первый район объединили Задонский, Землянский, Нижнедевицкий, Воронежский и Коротоякский уезды. Их состояние было признано “плачевным”. Здесь наблюдался острый продовольственный кризис. У крестьян отсутствовал живой и мертвый сельхозинвентарь. На почве нехватки хлеба и предметов первой необходимости свирепствовала эпидемия. Во второй район вошли Валуйский, Острогожский, Богучарский, Павловский и Калачеевский уезды – находившиеся в “более худшем состоянии”, по сравнению с первым. Здесь у крестьян отсутствовали семенные запасы и уже свирепствовал голод. К третьему был отнесен только один уезд – Алексеевский. Его состояние в экономическом плане было признано “тяжелым”. Рабочие и служащие в большинстве своем находились в безвыходном положении. Отсутствие хлеба и предметов первой необходимости вынуждали не только их, но и крестьян уезжать за приобретением продуктов в хлеботорные местности.¹¹

---

10. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 889. Л. 59.

11. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 308. Л. 3.

Ситуация оставалась сложной и в июне 1921 г. Из уездного Задонска докладывали в губернский центр: “Население города и фабрично-заводских поселков голодает. Норма получения пайка прекращена до минимума. Большинство групп населения не получает ничего”.¹² С начала уборки хлебов голод стал постепенно затухать. Осенью снова фиксировались случаи питания различными суррогатами. Зимой голод принял массовый характер. В целом по Воронежской губернии, согласно данным Ю. А. Полякова, в 1921 г. голодало около 1 млн. Человек,¹³ что составляло более 30 % населения.

Центральные и местные газеты помещали различные цифровые материалы, статьи, освещающие размах голода, отдельные вопиющие факты. Проявление голода в самых жутких его формах – каннибализме – регистрировались официальными органами. Подобные факты имели место в губернии уже в январе 1922 г.¹⁴ В начале марта голодные смерти наблюдались в Острогожском, Богучарском, Павловском, Коротоякском, Задонском и Алексеевском уездах.¹⁵ Только в одной Осетровской волости Павловского уезда в конце зимы умерло 85 человек.¹⁶ Всего в марте 1922 г. голодающими были признаны 8 из 11 уездов Воронежской губернии.¹⁷ Население, в основном, питалось грубыми суррогатами – мелом, глиной, дубовой корой, соломой с крыш, желудями и всевозможными растительными корнями, часто употребляли в пищу и падаль животных.

О характере и размере голода в Острогожском уезде сообщал секретарь уездного комитета партии в губернский комитет партии: “Положение некоторых волостей в смысле голода настолько тяжело, что не только население, но волисполком и другие работники растерялись. Во многих селах в среднем умирало до 20 человек”. Кроме того, наблюдались чудовищные случаи на почве голода – убийства, грабежи, отдельные случаи сумасшествия: “отец убивает детей, дети морят голодом отцов. Едят

---

12. Там же. Д. 300. Л. 65.

13. Ю. А. Поляков, *Переход к НЭПу и советское крестьянство* (Москва: Наука, 1967), с. 288.

14. ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 469. Л. 1.

15. Там же. Л. 46.

16. Проезжий, “На борьбу с голодом”, *Наша деревня* (Орган Павловского уездного комитета партии и исполнительного комитета.), 18 марта 1922 г.

17. ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 469. Л. 66.

собак, кошек. . . . Есть семьи, целиком опухшие от голода и неспособные ходить и работать”.¹⁸ В начале мая 1922 г. в Задонском уезде голодало более 4 тыс. человек. В Острогожском уезде было признано, что в среднем 70 % населения обречены на голодную смерть.¹⁹ Из Богучара докладывали в губком: “Крестьяне последний пуд семян бросают в землю, а сами после этого умирают голодной смертью. Размеры голода принимают ужасный вид”.²⁰ Положение несколько смягчил новый урожай, который был относительно высокий. Однако в деревнях стали снова происходить смертельные случаи. Теперь они были вызваны так называемым “объедением”, т. е. истощенные голодом организмы крестьян не справлялись с “новым хлебом”.²¹ Голод в воронежской деревне наблюдался и позднее. В частности, в начале 1923 г. голодало 25 % населения Коротоякского и Острогожского уездов.²²

Тяжелый продналог в начале нэпа усугубил экономическое положение крестьянства на территории Воронежской губернии. Сложная экономическая ситуация привела к возникновению так называемых голодных бунтов. Так, например, 23 мая 1921 г. в с. Никольском Нижнедевицкого уезда, на площади перед зданием, в котором происходило заседание волостного исполнительного комитета, состоялся митинг, в котором участвовало 300 человек. Собравшиеся, в большинстве своем женщины, требовали: “Дайте нам хлеба, семян, иначе мы пойдем отворять амбар ссыпункта”. Представитель и члены волостного комитета вышли к митингующим. Призывы властей разойтись вызвали только ожесточение и дальнейшее недовольство. После продолжительных переговоров, собравшиеся стали расходиться, при этом угрожали представителям местной власти, что все равно разграбят амбар ссыпного пункта.²³ Летом 1922 г. зарегистри-

---

18. Там же. Ф. 86. Оп. 1. Д. 95. Л. 5

19. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 469. Л. 100, 126.

20. Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 46. Л. 4.

21. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 468. Л. 38.

22. *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы.* В 4-х тт. под ред. А. Береловича, В. Данилова (Москва: РОССПЕН, 2000), т. 2 (1923-1929), с. 60, 82

23. ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 388. Л. 151.

рован был голодный бунт и в с. Карачан и в с. Пуховка Новохоперского уезда.²⁴

Продовольственные затруднения, голод испытывала не только деревня, но и город. Среди рабочих также наблюдалось недовольство, обусловленное данными обстоятельствами. 30 мая 1921 г. забастовали рабочие Отроженских железнодорожных мастерских. Работы были остановлены по причине неудовлетворения пайком. Кроме того, среди рабочих были случаи так называемой открытой контрреволюционной агитации. Забастовка продолжалась в течение 2-х дней. 31 мая забастовали рабочие воронежских мастерских с “категорическим отказом работать до удовлетворения продовольствием”. На проводившемся узловом собрании также наблюдались случаи выступлений, носящих, по терминологии тех лет, контрреволюционный характер и “изредка проводилась мысль об уничтожении коммунизма”.²⁵ В целом можно согласиться с мнением партийных функционеров тех лет, которые утверждали, что в 1921 г. воронежская деревня не знала нэпа. И восстановительные процессы начались в ней только с 1923 г.

В начале нэпа население было в первую очередь обеспокоено проблемой самосохранения и выживания. Наметившийся подъем хозяйства, относительное улучшение качества жизни привело к общественному пробуждению. В информационных отчетах Воронежской губернской избирательной комиссии за 1924 г. делался вывод: зажиточный слой деревни начинает быть более активным, выступает на крестьянских съездах и конференциях с заявлениями: “мы платим налоги и должны управлять”.²⁶ В Воронежском уезде звучал подобный лозунг, но в несколько иной форме: “мы платим налоги, но мы будем и управлять”.²⁷ В Нижнедевицком уезде отмечалось, что “кулак”²⁸ прилагает все силы, чтобы быть первым везде и иметь веское слово”.²⁹ В

---

24. Там же. Ф. 1478. Оп. 1. Д. 71. Л. 1; Д. 88. Л. 97.

25. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 306. Л. 38, 44.

26. Там же. Д. 984. Л. 15.

27. Там же. Ф. 137. Оп. 1. Д. 502. Л. 13.

28. Кулак – термин партийных и советских документов, обозначающий зажиточных крестьян. Критерии отнесения крестьянина к кулачеству так и не были четко разграничены вплоть до политики ликвидации кулачества как класса в начале 1930-х гг.

29. ГАОПИВО. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 252. Л. 13 об.

селах Алексеевского уезда предприниматели высказывались в следующем духе: “Власть не советская, а коммунистическая, так как коммунисты проводят только ‘своих’ в советские органы”.³⁰ Регистрировались снова требования в восстановлении в правах “лишенцев”.³¹ В ряде уездов предприниматели стали играть большую роль на общественных сельских собраниях-сходах (сходках).³²

Недовольство в деревне вызывало освобождение бедноты от налогообложения. Оно, по мнению зажиточных слоев деревни, происходило за их счет.³⁴ Крепкие хозяева заявляли: “Зря Соввласть поддерживает гольтепу”.³⁵ В ряде мест зажиточные крестьяне резко критиковали политику правящей партии из-за поддержки бедноты. В некоторых волостях они отказывались выполнять постановления комитетов взаимопомощи об обязательной вспашке земли беднейшего крестьянства.³⁶

“Сельская буржуазия” в связи с ограничением ее прав и защитой государством интересов беднейших слоев деревни, считала такое положение ненормальным. Она была уверена, что опорой власти в сельской местности должны стать крепкие крестьянские хозяйства. В этом их мнение совпадало с идеями “сменовеховцев”, которые заявляли, что социальной основой

30. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1027. Л. 41.

31. Лишенцы – это те, кого лишили избирательных прав, согласно действующему законодательству.

Первая Конституция 1918 г. юридически оформила категории населения, лишаемых избирательных прав. В соответствии со статьей 65 их насчитывалось семь:

- а) лица, прибегающие к наемному труду, с целью получения прибыли;
- б) лица, живущие на трудовые доходы, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.;
- в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;
- г) монахи, духовные служители церковей и религиозного культа;
- д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранного отделения, а также члены царственного дома;
- е) умалишенные и находящиеся под опекой;
- ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, на срок, установленный законом или судебным приговором 31.

32. ГАОПИВО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 88. Л. 47.

33. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1027. Л. 10 об.

34. Там же. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 249. Л. 19.

35. Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 88. Л. 47.

36. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 716. Л. 8; Ф. 1. Оп. 1. Д. 221. Л. 38.

новой экономической политики являлись нэпманы³⁷ и кулацкие слои деревни.³⁸ Кулак явно отдавал предпочтение не конфронтации с властью, а приспособлением с ней. Выжидательная политика, стремление избежать прямой конфронтации с властью, поиск путей решений конфликтов, достижение своих целей с помощью экономических рычагов – все это, по мнению российских исследователей И. Б. Орлова и А. Я. Лившина, свидетельствовало, что крестьянин имел тонкое политическое чутье.³⁹ Органы ОГПУ в своих сводках конца 1923 г. фиксировали, что кулаки “с неизвестной целью стараются заслужить доверие власти”, “лицемерно признают соввласть”.⁴⁰ Будучи собственником, крестьянин был вынужден считаться с реалиями дня, и его определенная пассивность была результатом не инертности и политической неразвитости, но точно выверенного, вполне прагматического курса.⁴¹

В отдельных населенных пунктах Новохоперского уезда наблюдались требования “передачи земли от общества в ведение государства”. Зажиточные крестьяне считали, что в этом случае у них появилась бы возможность брать необходимое количество земли у государства на условиях арендной платы. Данное желание они объясняли следующими обстоятельствами:

1. Если бы землю получали в таком порядке, то единый сельхозналог платили бы только за ту землю, которую они фактически обрабатывали.

2. В настоящее время налог уплачивался за землю бедняков, освобожденных от него.⁴²

В Воронежской губернии часто стали возникать случаи, когда сельские предприниматели требовали передачи земли бедня-

37. Нэпман – торговец, частный предприниматель в период нэпа. Образовано из двух слов – “нэп” (новая экономическая политика) и немецкого слова “Mann” – человек.

38. *История СССР с древнейших времен до наших дней*. В 12 тт. Серия вторая. Т. VIII: *Борьба советского народа за построение фундамента социализма в СССР. 1921-1931 гг.* (Москва: Наука, 1967), с. 73.

39. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, *Власть и общество: диалог в письмах* (Москва: РОССПЭН, 2002), с. 57

40. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 655. Л. 262, 263.

41. К. Б. Литвак, “Политическая активность крестьянства в свете судебной статистики 1920-х годов”, *История СССР*, № 2 (1991), с. 133, 136-38.

42. ГАОПИВО. Ф. 1478. Оп. 1. Д. 351. Л. 17.

ков тем, кто ее действительно обрабатывал. В Усманском уезде зажиточные крестьяне предлагали беднякам даже продать свободные земли.⁴³ Частнопредпринимательские слои деревни выступали инициаторами различных комиссий по проверке деятельности тех или иных советских органов в деревне. При этом предприниматели высказывались в следующем духе: “власть много нам обещала, но ничего не дала”. Анализируя общее настроение кулаков, местные органы делали вывод: “чувствуя, что стремления власти направлены на урезывание их политических прав, кулацкий элемент к власти относится заискивающе, причем в этих отношениях проглядывается скрытая враждебность”.⁴⁴ В крестьянской среде были укоренены обращения к власти, поиск заступников от местного произвола.

Оживление гражданской позиции предпринимателей и активизация общественной жизни села происходили во время избирательных кампаний. В целом по губернии наблюдался рост гражданской активности. Так, если в выборной кампании 1924 г. участвовало 25 % избирателей, то в 1925 г. – уже 48 %.⁴⁵ В отдельных населенных пунктах губернии участвовало до 95 %. Избирателей.⁴⁶ Хотя наблюдались и случаи не состоявшихся выборов из-за неявки избирателей.⁴⁷ Проявляли определенную активность и бывшие представители различных партий (особенно социал-революционеры). В информационных сводках ОГПУ о политической обстановке Воронежского уезда за ноябрь 1923

---

43. Официально купля-продажа земли была запрещена. Но на практике она продолжала существовать. См.: ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 716. Л. 8; Д. 984. Л. 107; Ф. 1676. Оп. 1. Д. 308. Л. 22.

44. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 984. Л. 107; Д. 1027. Л. 125.

45. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 33. Д. 191. Л. 32.

46. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т./Т.2. 1923-1929/ Под ред. А. Береловича, В. Данилова (Москва: РОССПЭН, 2000), с. 378.

47. В частности, согласно данным информотдела ОГПУ о ходе перевыборов советов на 18 декабря 1925 г., самый низкий процент голосующих был в Усманском уезде – от 11- до 30 %. В отдельных населенных пунктах выборы не состоялись. В частности, в с. Добринка явилось лишь 11 % избирателей, из которых многие, зарегистрировавшись, ушли с собрания. Перевыборы были отложены. В с. Шукавка (в тексте документе ошибочно указано Шуковка – Прим. автора) перевыборы не состоялись вследствие неявки избирателей, занятых уборкой урожая. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 2, с. 378-81.

г. сообщалось, что другие партии не имеют влияния на перевыборы советов, хотя в некоторых местах эсеры стараются проявить себя. Органами были зарегистрированы при проведении предвыборной кампании случаи агитационного выступления эсеров в с. Рогачевке Воронежского уезда; отдельные выступления эсеров на почве налоговых мероприятий в Нижнедевицком уезде; в с. Воронцовке и с. Шестакове Павловского уезда эсерами выдвигались лозунги “Власть народа”, “Беспартийные Советы”, “Не надо назначенцев”.⁴⁸ Активность эсеров сохранялась и в последующие годы.

В с. Троицком Новохоперского уезда председателем сельского совета хотели избрать бывшего эсера М. М. Синопальникова, но он “поблагодарил избирателей – членов совета и дал им понять, что если он будет председателем, то через неделю его посадят в тюрьму”.⁴⁹ В хут. Ключи Семидесятского района на перевыборном собрании бывшие эсеры Крынин и Конев агитировали против кандидатур членов РКП/б/ и лиц, сочувствовавших соввласти.⁵⁰ В Валуйках эсеры устроили дискуссию на тему “Кто первый начал борьбу с царизмом”, при этом они указывали, что коммунисты боролись преимущественно в городах, а в деревне – эсеры. Под воздействием этих разговоров коммунисты не были избраны.⁵¹ В Воронеже эсеры проявляли активность и в студенческой среде. В частности, в Воронежском государственном университете (далее – ВГУ) действовала группа Н. В. Сахарова.⁵² Официально он был зарегистрирован как “кружок по изучению левого народничества”, а по агентурным данным называли его “Союзом трудового студенчества”.⁵³ В числе прочего группа расклеивала листовки и на выборах в Горсовет отводили кандидатуры-коммунистов и предлагали свои

---

48. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. Р-10. Оп.1. Д. 655. Л. 262, 263, 268.

49. ГАОПИВО. Ф. 1478. Оп. 1. Д. 386. Л. 5.

50. *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД*. Т. 2, с. 384.

51. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 416. Л. 105.

52. Сахаров Николай Васильевич (1894, г. Зарайск Московская губ. – 12. 08. 1937, Томск) Неоднократно подвергался репрессиям за свои эсеровские взгляды в Воронеже, Орле, Тамбове. Последний раз он был арестован в Ханты-Мансийске, где он отбывал очередную ссылку и по приговору тройки Омского УНКВД расстрелян 12 августа 1937 г.

53. ГАОПИВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 23871. Л. 3 об, 62.

кандидатуры.⁵⁴ Арестованный Н. В. Сахаров на следствии показал, что, по его глубокому убеждению в ближайшее время партия народников будет легально участвовать в общем государственном строительстве.⁵⁵ В мае 1924 г. в Воронеже были расклеены различные по содержанию листовки под лозунгом “В борьбе обрешь ты право свое”, которые были адресованы студентам, интеллигенции и рабочим. Причиной их появления стали “чистки студенчества”. В разряд вычищенных попали и те, у кого родители считались “бывшими”, “лишенцами”.

Студенты воронежских вузов в числе прочего планировали организовать массовую демонстрацию перед зданием губернского исполнительного комитета.⁵⁶ Студенты медицинского факультета ВГУ организовали нелегальную “Студенческо-социал-демократическую организацию”, стоящую на позициях меньшевистской партии, которая не имела особого влияния в студенческой среде.⁵⁷

События, происшедшие на общем собрании жителей хутора Острогжского уезда, стали основой для обсуждения в Москве. По сведениям ОГПУ из “Обзора политического состояния СССР” “на общем собрании крестьян хут. Скорицкого Репьевского района был заслушан доклад о внутрипартийном положении. По докладу задавались вопросы: 1) “почему партия стремится расслоить крестьянство”; 2) “почему нет крестьянского профсоюза”; 3) “почему партия больше поддерживает рабочих” и т. п. Обращают внимание выступления в прениях двух крестьян, один из которых – бывший организатор и руководитель в 1905 г. в хут. Скорицком эсеровских ячеек под названием крестьянских братств и активный член партии эсеров – заявил: “Партия и власть мало обращают внимания на крестьянство, убивают хозяйство их тяжелым налогом как прямым, так и косвенным”.⁵⁸ [. . .] В постановлении вынесенном по докладу, говорилось:

---

54. Там же. Д. 23871. Л. 108-09.

55. Там же. Д. 23871. Л. 3 об, 62.

56. Там же. Д. 16278. Л. 114.

57. Там же. Д. 25418. Л. 51-51 об.

58. Цит. по: *Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация 1921–1935* (Москва: Звенья, 2004), с. 233.

Решения XIV партсъезда одобрить, но, видя малое внимание к крестьянству, которое не имеет по примеру профсоюзов рабочих своего верховного органа, объединяющего в профсоюзы все крестьянство наших союзных республик, выражаем свое недовольство расслоением крестьянства, невнимательностью в работе по продвижению товаров от трестов к потребителю.⁵⁹

В некоторых населенных пунктах бывшие эсеры все же были избраны. В частности, в Нижнедевицком уезде председателем сельсовета был избран С. Н. Чудинов. ОГПУ охарактеризовало его следующим образом: “Бывший частновладелец, в 1922-1923 гг. занимался торговлей в Воронеже, в настоящее время по классовому признаку кулак с эсеровскими взглядами”. Избранный новый сельсовет в этом селе состоял, по мнению управления, на 50 % из лиц антисоветского направления. В большинстве своем это были эсеры. В их числе находились и отбывшие тюремные наказание за принадлежность к ПСР.⁶⁰ Эсеры были избраны и в Новохоперском уезде. По сведениям ОГПУ это были заместитель председателя совета Бодренко – “зажиточный крестьянин, убежденный эсер с 1905 г.”, член сельсовета – “быв. эсер, учитель Петров”.⁶¹

Как свидетельствуют вышеизложенные факты, предпринимательские слои деревни проявляли значительный интерес к выборам. Особый всплеск их активности стал происходить с весны 1925 г., когда изменилась политика по отношению к зажиточным крестьянам и был провозглашен лозунг “Обогащайтесь”. В избирательную кампанию включались представители бывших оппозиционных партий, а особенно, социал-революционеры.

Рассмотрим общий ход избирательной кампании 1925-1926 гг., которая явилась, несмотря на ограничение прав отдельных категорий, самой либеральной кампанией 1920-х гг. В ней приняли участие и многие представители предпринимательского слоя, так как произошло расширение контингента избирателей. Кустари, ремесленники, торговцы 1 разряда и ряд других категорий получили право голоса. Всего по губернии было установ-

---

59. Цит. по: Там же.

60. ГАОПИВО. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 415. Л. 16.

61. *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД*. Т. 2, с. 390.

лено 4105 избирательных участков, т. е. в среднем на 1 избирательный участок приходилось 756 человек населения или 400 избирателей.

Эта кампания в числе прочего отличалась от предыдущих, во-первых, впервые был осуществлен подробный анкетный учет избирателей. Списки были напечатаны в губернском центре и затем уточнены и заполнены на местах. Во-вторых, впервые был проведен точный учет лишенцев и стали оформлять соответствующие документы. В-третьих, повсеместно была введена “повесточная система”, т. е. вручение повесток избирателям накануне выборов. В-четвертых, территории каждого сельсовета разбили на несколько избирательных участков. Это нововведение было вызвано наличием ряда крупных сельских населенных пунктов, а также отсутствием в селах и деревнях необходимых для проведения общих собраний граждан помещений. В связи с этим каждый населенный пункт, имеющий не менее 100 жителей и удаленный от сельсовета, был выделен в самостоятельный избирательный участок. В крупных селах избирательные участки устанавливались в зависимости от наличия подходящих для собраний помещений. В-шестых, было выпущено огромное количество агитационного материала разнообразного характера тиражом 80 тыс. экземпляров. В-седьмых, был определен состав сельсоветов не свыше 50 чел., волостных съездов — не свыше 150 чел. В-восьмых, власти осуществили широкомасштабную мобилизацию уездных и губернских советских и партийных работников, которые осуществляли агитацию в закрепленных за ними волостями и селами не менее 20 дней. В-девятых, впервые было обращено серьезное внимание на вовлечение в выборы нацменьшинств. В самостоятельные избирательные участки были выделены населенные пункты с компактным преобладанием других национальностей.

Интересно отметить и гендерный аспект избирательной кампании. Власти также впервые стали уделять внимание участию женщин в выборах. В целом по губернии он был низок. В большинстве на собраниях присутствовали единицы. Исключение составлял лишь Новохоперский уезд, где на предвыборных собраниях участвовало до 50 женщин.⁶² Но в целом следует заметить, что количество женщин, принимающих участие в выбо-

---

62. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1235. Л. 47 об.

рах, возросло. Так, если в 1924 г. голосовало 7, 2 % женщин губернии, то в 1925 г. – уже 25,9 %.⁶³ Таким образом, за год произошло увеличение почти в 4 раза. В эту избирательную кампанию впервые женщины были избраны председателями сельских советов. В Нижнедевицком уезде – председателем стала крестьянка, а в Новохоперском уезде – быв. Учительница.⁶⁴

О представительстве женщин в составе сельсоветов свидетельствуют следующие данные за 1921 г. – 30 женщин, или 0,2 %; в 1922 г. – 59, или 0,4 %; 1923 г. – 849, или 5,7 %, 1924 – 1473, или 8,8 %, в 1925 г. – по неполным данным, 3056, или 13 %.⁶⁵ Однако в губернии в отдельных местах со стороны наблюдалось негативное отношение мужчин к участию женщин в выборах. На избирательных собраниях женщинам приходилось иногда выслушивать и насмешки, и ругательства. Некоторые мужчины заявляли членам избирательных комиссий: “Если будете приглашать женщин, то мы не придем”.⁶⁶

Крестьянство встретило новшества в выборах с осторожностью. Оно подозрительно и недоверчиво относилось ко всем мероприятиям, считая, что под видом “широкой демократии” кроилась какая-то недоговоренность. Местами крестьяне высказывали подозрения, что дробление избирательных участков проводится с целью разбивки, раздробления сплоченных крестьянских масс, чтобы провести своих кандидатов. Часть бедняков, наоборот, высказывали мысли, что при разбивке на участки сравнительно небольшой слой кулачества будет раздроблен, и они не сумеют выступить одним объединенным фронтом.⁶⁷

Партийные функционеры, участвующие в кампании, определяли, что в деревне две четко оформленных основных избирательных группировки: бедняки и кулачество. Средняки занимали нейтральную позицию, и при голосованиях склонялись то в сторону кулачества, то становились на позиции бедняков. Интеллигенция в целом вела себя пассивно, исключение составляли только так называемое новое учительство – молодые специалисты, недавно окончившие педагогические техникумы.

---

63. Там же. Д. 1231. Л. 21.

64. Там же. Д. 1235. Л. 54, 73

65. Там же. Л. 54 об.

66. Там же. Л. 47 об.

67. Там же. Л. 46 об.

Агрономы были “не активны”, а врачи проявили массовый абсентеизм и не участвовали в выборах.⁶⁸ Во время выборов снова наблюдалась антикоммунистическая пропаганда, по-прежнему раздавались лозунги “Советы без коммунистов”.⁶⁹ В ряде мест наблюдали случаи агитации против выдвижения партийных кандидатов.⁷⁰ Так, например, в Воронежском уезде в крестьянской среде говорили: “Коммунисты, мол, устали на военных и хозяйственных фронтах, их теперь необходимо пожалеть, им необходимо дать отдохнуть, а потому, давайте их не будем избирать, а выберем своих”.⁷¹ В Острогожском уезде крестьяне говорили, что коммунистов не надо выбирать, потому что они “плохо развиты”.⁷² В Богучарском уезде зажиточные “действуя организованно, провалили всех кандидатов из числа РКП и РЛКСМ”.⁷³ В с. Абрамовке Новохоперского уезда группа зажиточных во главе с К. Батниковым при перевыборах сельсовета и уполномоченных провели своих кандидатов. Выдвинутая кандидатура от ячейки РЛКСМ не получила ни одного голоса.⁷⁴ Однако не всегда антикоммунистическую пропаганду следует квалифицировать так, как интерпретировали ее в те годы, – “форменный поход против коммунистов”. В большинстве случаев это была обычная критика местных коммунистов, часто малограмотных и замешанных в различных злоупотреблениях, растратах.⁷⁵ Следует подчеркнуть, что к членам пар-

---

68. Там же. Л. 72.

69. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 33. Д. 191. Л. 33 об., Д. 333. Л. 169, 290

70. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 478. Оп. 1. Д. 1969. Л. 51.

71. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1235. Л. 47 об.

72. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 254. Л. 290

73. *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД*. Т.2, с. 385.

74. Там же, с. 387.

75. В частности, в информационных сводках ОГПУ, сообщалось о резкой критике коммунистов – растратчиков: “Вот партия их нам навязала, а они всё развалили дело” (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1969. Л. 53). В с. В.-Мамон Богучарского уезда крестьянин Быков на собрании заявил, что сами члены партии халатно относятся к предвыборным собраниям. И в подтверждение привел следующий аргумент, что однажды уполномоченный Переверзев (секретарь волкома РКП) назначил собрание в 10 часов утра, а явился в два часа дня, крестьяне же, прождав их, разошлись, говоря: “Ну их к черту, наших комиссаров, им делать нечего, а нам нужно кормить скот”. (*Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД*. Т. 2, с. 392). В Усманском уезде критика коммунистов так же носила персональный характер. Из “Сводки № 2 мате-

тии крестьяне предъявляли повышенный интерес, их личности и профессиональные качества подвергались тщательному разбору на собраниях. Секретарь Воронежского губкома Крюков заявлял на собрании еще в 1924 г.: “Мы знаем, что зачастую крестьянство судит о партии по тем коммунистам, которых они видят у себя”.⁷⁶

В крестьянской среде в тот год доминировала именно критика коммунистов, а не коммунистической партии в целом. Распространенным было явление, когда крестьяне требовали прислать им городских коммунистов, “которые, имея связь с городом, тем самым как бы находятся под контролем городских организаций и являются более дисциплинированными”.⁷⁷ Тем не менее, итоги выборов для местных партийных организаций были неутешительными. Так, если в 1924 г. в сельсоветах было 9,2 % членов и кандидатов РКП(б) и 3,6 % членов РЛКСМ, то в 1925 г. их стало: 6,2 % членов партии и 3,4 % комсомольцев.⁷⁸ Таким образом, наблюдалась тенденция сокращения числа коммунистов в составе сельсоветов. Это свидетельствовало и о слабом авторитете местных партийцев в крестьянской среде.

Во время перевыборов сельских советов и кооперативных органов партийные органы и ОГПУ повсюду отмечали активность кулачества при подготовке к кампании:

Повсеместно готовились к перевыборам. Причем, проводили скрыто, в момент выборов активно выступали, стремясь провести свои кандидатуры и завладеть советами». Указывались и методы осуществления предвыборной кампании: проведение подпольных собраний; подпаивание; задабривание бедняков и середняков обещаниями всякой материальной помощи; проведение антисоветских бесед.⁷⁹

риалов информотдела ОГПУ о ходе перевыборов советов на 18 декабря 1925 г.”: “По Дрязгинской вол. Усманского у. при перевыборах Кривского, Дрязгинского, Высокополянского и Васильевского сельсоветов секретарь волычейки РКП(б) Никишин предлагал речи крестьян, резко выступавших против отдельных представителей партии, занести в протокол, причем это предложение носило характер запугиваний” (Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 2, с. 391).

76. ГАОПИ ВО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 83. Л. 1.

77. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1235. Л. 48.

78. Там же. Д. 1231. Л. 21.

79. ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1790. Л. 76.

Практически во всех сообщениях из уездов в губернский центр отмечались и приводились примеры так называемой “кулацкой агитации”.⁸⁰

ОГПУ с обеспокоенностью отмечало, что кулачество в Воронежской губернии стремиться пролезть в низовой советский аппарат.⁸¹ Во многих уездах представители предпринимательского слоя сумели войти в состав сельских советов и кооперативные органы. Демократическое волеизъявление масс не устраивала власть. Результаты многих выборов были отменены из-за прохождения в состав советских и кооперативных органов зажиточных крестьян.

Изученные документы позволяют выявить случаи, когда сельские предприниматели были недовольны результатами перевыборов и организовывали различные акции. В феврале 1927 г. на ст. Илогинской была создана инициативная группа по признанию незаконными перевыборов правления местной кооперации. Она организовала “подписной лист протеста” среди крестьян. В течение нескольких дней его подписали более 50 человек.⁸²

Проблема свободных выборов, активное и пассивное избирательное право – право избирать и быть избранным – остро стояла в годы нэпа. В 1922-1923 гг. были лишены прав в Воронежской губернии – 12317 человек, в 1924-1925 гг. 19644, в 1925-1926 – 11644, а в 1926-1927 гг. – 41689 человек (без г. Воронежа).⁸³

Многие из лишенных избирательных прав пытались добиться восстановления. Одним из таких способов являлась подача жалоб на неправильное лишение избирательных прав. Наблюдались случаи обращения лишенцев с жалобами в Центр (во ВЦИК, Центризбирком и т. п.). В 1926 г. их подали почти 4 тыс. человек или 9 % от общего числа лишенных избирательных

---

80. В. В. Бахтин, *Возрождение частного предпринимательства в начале 1920-х гг. (региональный аспект): Монография* (Воронеж: ВФ РосНОУ, 2007), с. 88

81. *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД*. Т. 2, с. 197.

82. ГАОПОВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1956. Л. 11.

83. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1231. Л. 1. ГАОПОВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 984. Л. 97, Д. 1790. Л. 1.

прав. Были удовлетворены требования 32 %. ⁸⁴ Обращались лишенцы и в газеты. В частности, в “Крестьянскую газету” обратился Ф. Гушель с письмом, названным им как “Не женись на дочери торговки”. В нем он спрашивал у редакции газеты, подписчиком которой являлся, совета, как ему добиться восстановления гражданских прав. Он писал: “лишены мы избирательного права из-за того, что мы проживаем на квартире нашей матери и тещи, которая занимается торговлей. На иждивении тещи не жили и не живем”. ⁸⁵ Другой лишенец, бывший красноармеец, спрашивал редакцию о правильности его лишения за использование в хозяйстве труда сезонного мальчика. ⁸⁶ Из г. Усмани в газету было направлено письмо сына кустара-колбасника, которого лишили прав. Он считал, что лишение кустарей избирательных прав – самоуправство местной власти. ⁸⁷ В письме он в числе прочего описывал заслуги отца в поддержке местного большевика Н. Исполатова. ⁸⁸

Другие поступали несколько иначе. В одном из сельсоветов Бобровского уезда “лишенцы” требовали от председателя сельсовета разрешения на созыв собрания лишенцев “с целью избрания делегатов к Калинин”. В с. Пристенъ Валуйского уезда крестьяне потребовали, чтобы на избирательные собрания были допущены и лишенные избирательных прав. Председатель волостной избирательной комиссии не разрешил проведения совместных собраний. Тогда в его адрес были посланы анонимные письма. ⁸⁹ В Россошанском уезде было зарегистрировано следующее требование: “амнистирование кулацко-белобеженского элемента и представление всем гражданам прав”. ⁹⁰ В с. Воробьевке Воронежского уезда предприниматели, явившись на собрание организованной толпой, в члены сельсовета провели ли-

---

84. ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1790. Л. 6, 71, 76.

85. ГАВО. Ф. Р. 10. Оп. 1. Д. 1650. Л. 239.

86. Там же. Л. 136.

87. Там же. Д. 1651. Л. 274.

88. Исполатов Николай Николаевич (1856-1927). Земский врач. С 1897 г. в социал-демократическом движении. В 1917-1919 гг. – председатель Усманского уездного совета, делегат II Всероссийского съезда Советов. Организатор борьбы за установление советской власти в уезде, руководитель нескольких уездных советских учреждений. Отстранен от всех должностей за критику тамбовских губернских властей. С 1919 г. вел частный образ жизни.

89. ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1790. Л. 6, 71, 76.

90. Там же. Ф. 105. Оп. 1. Д. 81. Л. 9.

шенных ранее избирательных прав.⁹¹ Торговцы стали выбирать патенты не на себя, а на членов своей семьи или беднейшего из своих компаньонов. Они надеялись, что их, таким образом, восстановят в гражданских правах.⁹²

В 1927 г. по сравнению с прошлым годом количество лишенцев возросло на 194 %.⁹³ Увеличение числа лиц, лишенных избирательных прав, произошло за счет увеличения новых категорий населения, подлежащих их лишению – владельцев промышленных предприятий, кулаков, использовавших наемный труд. Массовое лишение предпринимателей политических прав рассматривалось ими не только как “свертывание демократии”, но и как “поход против старательного хозяина”. Основными мотивами жалоб лишенцев является, по их мнению, “неправильный подход государства”, так как лишают избирательных прав как раз тех, кто приносит большую пользу государству, уплачивая большие налоги. Лишенец Острогжского уезда сокрушался в сердцах: “Теперь нельзя увеличивать свое хозяйство, а то, как заведется лишний поросенок, лошадь, овечка, так сейчас же и лишают тебя избирательных прав”.⁹⁴

В среде лишенцев массовый характер стала приобретать боязнь за своих детей, которые, по их мнению, будут, в связи с лишением избирательных прав их родителей, стеснены как в отношении учения, так и в других случаях. Лишенцы высказывались:

Нас-то лишили избирательных прав – ладно, но при чем тут дети? Лишая нас избирательных прав, соввласть не дает нам возможность учить детей. Придется искать исход в виде усыновления наших детей родственниками, имеющими право голоса.⁹⁵

Наблюдались и единичные случаи демонстративного закрытия предприятий лишенцами магазинов, мельниц, крупорушек и т. п. Так, например, в с. Пыховке торговец мясом, имевший патент 2 разряда, узнав о том, что его лишили избирательных

---

91. *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД*. Т. 2, с. 385.

92. ГАОПИВО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 502. Л. 85 об.

93. *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД*. Т. 2, с. 534

94. Там же, с. 529

95. Там же.

прав, бросил торговать и отвез патент обратно в уездный финансовый отдел.⁹⁶ Аналогично поступил и владелец чайной лавки сл. Красной Валуйского уезда.⁹⁷

В ряде мест стало наблюдаться и такое явление, как увольнение батраков, “так как за них лишают голоса”, что вызвало обратную реакцию. Батраки стали резко выступать против лишения избирательных прав лиц, эксплуатирующих наемный труд.⁹⁸

Предприниматели будут продолжать борьбу за восстановление себя в гражданских правах и с завершением нэпа.

Анализ политических требований населения Воронежской губернии показывает, что наиболее распространенными являлись следующие требования:

1. Свободные и тайные выборы.
2. Прекращение деления крестьянства на социально-имущественные группы.
3. Признание равенства в правах крестьянства и рабочих.
4. Изменение налоговой и ценовой политики.
5. Отмена монополии внешней торговли;
6. Осуществление полной денационализации промышленности и легализации частной хлебозаготовки;
7. Ликвидация государственной собственности на землю и недра.⁹⁹

Все эти требования частнопредпринимательского слоя в то время признавались “антисоветской пропагандой”.

Рост общественной активности населения, независимый частный сектор создавали потенциальную угрозу однопартийной диктатуре. С 1927 г. власть целенаправленно стала проводить политику “закручивания гаек”, которая в итоге привела к установлению тоталитарного режима.

Неоднозначным было отношение других слоев советского общества к росту численности “новой буржуазии” и их усилившейся политической активности.

---

96. Там же, с. 531.

97. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 3. Д. 41. Л. 41

98. *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД*. Т. 2, с. 531

99. В. В. Бахтин, *Частный предприниматель Воронежской губернии в условиях новой экономической политики: Монография* (Воронеж: Научная книга, 2008), с. 83-89.

Введение новой экономической политики, возрождение товарно-денежных отношений, свободная торговля для многих членов партии, рядовых рабочих и беднейших слоев деревни стали неожиданностью. Казалось, совсем недавно они осуществляли красногвардейскую атаку на капитал, национализацию земли и предприятий. Многие коммунисты в начале нэпа просто растерялись: диктатура пролетариата – и вдруг появились частные кафе и лавочки, возвращались или сдавались в аренду бывшим владельцам промышленные предприятия, росло имущественное неравенство населения.

В одном из воронежских партийных изданий 1922 г. было написано: “Развелись волчьи ямы буржуазного окружения: кафе, рестораны, игорные притоны, буфеты с крепкими напитками, тотализатор и т. п. – поджидают коммунистов, особенно молодых, чтобы разложить партию”.¹⁰⁰

Большинство сельских партийных ячеек Воронежской губернии были не в состоянии быстро и решительно отказаться от политики военного коммунизма. Многие коммунисты совершенно не поняли, почему вдруг, по их мнению, именно вдруг и неожиданно, партия решила перейти к нэпу. Неприятие решений на сотрудничество с “капиталистическими элементами” испытывали как отдельные коммунисты, так и целые организации. Многие партийные организации в начальный период нэпа совершенно игнорировали разрешенное сотрудничество с крепкими хозяевами. Как отмечал Воронежский губком партии, в 1922 г. деревенские коммунисты еще продолжали жить реалиями 1917-1918 гг., считая возможной только борьбу с кулачеством через административный нажим, не понимая нового периода классовой борьбы, когда борьба развернулась на хозяйственном фронте. Среди коммунистов губернии царил полное разочарование, оно выражалось следующим образом: “Воевали, воевали, били, били буржуазию, а теперь ей дают возможность народиться вновь. Потом придется вновь бороться”.¹⁰¹ Подобные выступления наблюдались и на пленумах губкома, и на уездных, волостных партийных конференциях. Практически во всех парторганизациях губернии имели место случаи выхода из

100. Цит. по: В. В. Никулин, *Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921-1929 гг.)* (СПб: Нестор, 1997), с. 150 -51.

101. *Известия Воронежского губкома РКП(б)*, №5 (28) (1922), с. 28-29

РКП(б) “за несогласие с нэпом”. Например, один коммунист из Острогожской уездной организации РКП(б) мотивировал свой выход именно несогласием с некоторыми элементами новой экономической политики (свободная торговля, сдача предприятий в аренду и т. д.).¹⁰² Другой коммунист в своем заявлении подчеркивал:

Я и, вероятно, все крестьянские коммунисты в период военного коммунизма были более подготовлены к коммунистическому обществу. Полагали закончить военный период и на мирной ступени перейти всем населением РСФСР на коммунистическое хозяйство, как и говорила наша программа.

Некоторые категорически не были согласны с тем, что “рядом с нами пользуется новой экономической политикой наш классовый враг в лице деревенских богатеев, спекулянтов, ростовщиков и прочей противокommунистической своры”.¹⁰³

Неприятие нэпа продемонстрировал и писатель А. Платонов, исключенный из партии 30 октября 1921 г.¹⁰⁴ В газетных публикациях он демонстрировал свои радикальные взгляды. В эссе “Коммунизм и сердце человека”, опубликованном в январе 1922 г., он писал: “Нельзя переделать землю, нельзя родить человека, нельзя прийти к коммунизму вместе с буржуазной ордой. Для осуществления коммунизма необходимо полное, поголовное истребление живой базы капитализма – буржуазии как суммы живых личностей”.¹⁰⁵ Свой революционный максимализм писатель сохранил и позднее, изложил убеждения начала нэпа в речи своих литературных героев романа “Чевенгур”, повести “Ювенильное море”.

---

102. ГАОПИВО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 67. Л. 8.

103. *Известия Воронежского губкома РКП(б)*, №8 (31) (1922), с. 16.

104. О. Г. Ласунский, *Житель родного города. Воронежские годы Андрея Платонова 1899-1926*. Изд.-е 2-е, доп. (Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2007), с. 161.

105. Цит. по: О. Ю. Алейников, “Неизвестное эссе А. Платонова ‘Коммунизм и сердце человека’”, *Материалы юбилейной конференции, посвященной 60-летию филологического факультета ВГУ*. Вып. 2: *Литературоведение* (Воронеж, 2004), с. 146.

Рядовые воронежские коммунисты не разделяли и не понимали изменения приемов, форм и средств борьбы с капитализмом в годы нэпа. Хотя лидеры партии широко освещали данную проблему и в печати, и на различных съездах и конференциях.

Ярко характеризует настроения части рабочих к “новой буржуазии” выступление рабочего Воронежских мастерских депо Отрожка Золотарева. Он высказался на собрании в следующем духе: “нэп введен был в трудных условиях страны и, по словам Ленина, нэп введен временно, а мы видим здесь в городе, как нэп растет, а ведь это нам угрожает и угрожает ‘новая буржуазия’. Она носит шелка и лакированные ботинки за счет рабочих”. В заключении он предложил свернуть нэп, “а то придется подымать вторую революцию”.¹⁰⁶

Железнодорожник Перелыгин написал в газету “Гудок”, где он в стихотворной форме выразил свое отношение к нэпманам. Не будем оценивать их художественное достоинство, а используем в качестве яркой иллюстрации:

И страшно и жутко нам
Неужели в стране СССР
Существует такой обман

Крепни богатей кулак
Спекулянт, а с пролетариатом
Нужно поступать вот так,
За шиворот да наружу . . .

[. . .]Ибо полон твой кошелечек
Аж отдулся Ваш карман

А мы к закону СССР
Взываем день и ночь
Гоните ненавистного и
злостного спекулянта
От нас пролетария прочь
Ибо жить нам не под силу [. . .]¹⁰⁷

Комсомолец сл. Шапошниковой Россошанского уезда после прочтения нескольких заметок в “Крестьянской газете” о национализации мельниц недоуменно спрашивал: “А у нас как будто другая власть, имеется у одного кулака мельница паровая и

106. ГАОПИВО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 138. Л. 242.

107. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1331. Л. 23

масляной завод [. . .] почему Тютинева мельница не отошла в государство, как другие кулацкие мельницы”.¹⁰⁸

Итак, часть рабочих, рядовых членов партии крайне негативно относилась к существованию в новом советском обществе предпринимателей и выступала за их немедленную ликвидацию. В годы нэпа эти настроения не носили массового характера. При этом необходимо учитывать, что уровень заработной платы на частных предприятиях был значительно выше, чем на государственных. Следовательно, рабочие в частном секторе не были заинтересованы в закрытии нэпмановских заведений. Это обстоятельство отмечали воронежские партийные деятели при передаче типографий из частной аренды в ведение государства в 1927-1928 г., когда рабочие открыто выражали свое недовольство переводом их на государственный баланс.¹⁰⁹ Однако численность рабочих в частном секторе была невелика. Их мнение не учитывалось местными властями. Недовольство части рабочих “новой буржуазией” послужило социальной опорой для проведения политики ликвидации эксплуататорских классов в стране.

В деревне также существовала социальная напряженность. В начале 1920-х гг. настроение бедняков к нэпу было “частично враждебное, ввиду эксплуатации их со стороны зажиточных крестьян”.¹¹⁰ В 1923 г. проводилась работа по втягиванию батраков, домашней прислуги в профсоюз. Зажиточные крестьяне встретили данное мероприятие с большим опасением. В ряде мест тех батраков, которые вступали в профсоюз, сразу же увольняли. В то же время были абсолютно противоположные случаи, когда кулаки обращались в волостной секретариат Все-работземлеса с просьбой указать ему работника и тут же заключали договор. В Калачеевском уезде, например, по условиям договора, сельский предприниматель за год обещал обути, одеть батрака и выдать деньгами около 1 тыс. руб. Многие затем расторгли договор, опасаясь больших налоговых обложений за использование батраков.¹¹¹

Избыток дешевой рабочей силы, аграрное перенаселение приводили к тому, что “деревенские пролетарии”, наоборот, со-

---

108. Там же. Д. 1330. Л. 533

109. ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1756. Л. 4.

110. Там же. Д. 468. Л. 153.

111. Там же. Д. 704. Л. 78, 93.

глашались на работу без заключения коллективных договоров. В Богучарском уезде оплата труда батраков в 1924 г. при “хозяйских харчах” была около 9 руб., а на “своих харчах” – почти 30 руб. В последующие годы происходило ее увеличение.¹¹² При этом необходимо отметить, что она была выше у тех, кто заключал трудовые договоры в среднем на 2-3 рубля.¹¹³ Чаще всего отношения работодателя и батрака складывались нейтрально, так как обе стороны были заинтересованы в решении своих проблем. Часто батраки, беднейшая часть деревни, становились на стороны зажиточной части деревни. Как сообщал председатель Воронежского губернского избирательного комитета Харитонов, батрачество местами сильно запугано. Когда собирались отдельные собрания батраков, то они говорили “будьте добры, не вписывайте нас в протокол, а то узнают хозяева, и мы останемся без хлеба”.¹¹⁴ Иное дело было, когда вопросы затрагивали общественные интересы, как-то: выборы, кредитование, выдача семенной ссуды.

В декабре 1923 г. в партийных отчетах отмечалось, что при “тяге кулачества в Советы” бедняки выступали против.¹¹⁵ Данный аспект анализировался нами выше при характеристике политической активности предпринимательского слоя деревни. Зажиточные крестьяне часто выступали против освобождения бедноты от общественной денежной повинности, не без основания полагая, что эти суммы перекладывались на них.

Деревня в годы нэпа сохранила общинное правление. Сход крестьян, а не Советы или партийные органы, ввиду малочисленности коммунистов в деревне, оставался настоящим хозяином в деревне.¹¹⁶ Сход собирался раз в неделю и пользовался значительной властью в деревне в местном налогообложении (самообложении). Поэтому сход имел довольно солидные фонды, которые тратились на покупку племенного скота, школы, пожарную бригаду. Во многих из них лидирующие позиции занимали предпринимательские слои деревни. Очень часто при решении общих вопросов их позиция оказывалась решающей.

112. Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 121. Л. 2 об.; Д. 146. Л. 33.

113. *Ленинский путь*, № 1 (1927), с. 23.

114. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1235. Л. 73.

115. ГАОПИВО. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 196. Л. 55.

116. Л. Ю. Холмс, *Социальная история России, 1917-1941*. Пер. с англ. (Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. Ун-та, 1994), с. 55.

Так, например, в одном из хуторов Богучарского уезда возник конфликт между зажиточной и бедняцкой частью деревни. Поводом послужило изыскание средств для покрытия задолженности Госсельбанку. Зажиточные крестьяне настаивали на подушное самообложение, бедняки – на обложение скота. Несмотря на численное превосходство, последние так и не смогли провести свое решение. Волостной комитет это объяснил следующим образом: зажиточные крестьяне активнее бедноты и на собраниях бедноту “захлестывают, а беднота молчит, потому что в материальном положении зависит от зажиточных”.¹¹⁷

В сравнении со сходом сельский совет был чрезвычайно слаб. Для большинства крестьян сельсовет представлял чужую власть и, более того, чужую идеологию, враждебную традиционному укладу сельской жизни. Для них сельсовет имел только одну функцию – сбор налогов. В связи с этим можно предположить, что “тяга кулачества в Советы” была вызвана стремлением крестьянства повлиять на налоговую политику. Ввиду того, что значительная часть деревни не платила налоги (беднота), а часто и «кулаки», державшие племенной скот, “крепкие” крестьяне хотели взять Советы под свой контроль.

Сильное влияние на взаимоотношения предпринимателей и бедноты оказывали так называемые голодные годы. Особенно ситуация обострилась в 1924-1925 гг. Беднота, за редким исключением, относилась к предпринимателям враждебно, “кулак” к бедноте – “скрытно враждебно”. Бедняцкая часть деревни распродала скот, вещи, сельскохозяйственный инвентарь, сдавала землю за “бесценок” зажиточным крестьянам.¹¹⁸ В частном письме демобилизованный красноармеец из Пригородной вол. живописно описывал ситуацию в своей родной деревне

Местные власти на нас внимание не обращают. Находясь на военной службе, я никогда духом не падал, но когда попал в среду такой массы, в селе пьянство, безобразие – это невозможно. Еще прибыл как раз под посев ярового хлеба, семян у меня не было, пошел в комитет взаимопомощи, мне сказали нет семян, а кулачкам дали по несколько пудов, а

---

117. *Ленинский путь*, № 2 (1927), с. 59.

118. ГАОПИВО. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 252. Л. 13.

мне приходится бросать землю незасеянной или кулаку отдать. Я не в силах купить семян, а власти отказали. Мы отдали молодую цветущую жизнь за светлое будущее, но нас еще притесняют какие-нибудь несчастные кулаки.¹¹⁹

Из писем крестьян: “Я продала лошадь потому, что нечем было кормить, сейчас вот так же голод. Хлеб – 2 руб. [за] пуд. Заработка нет. Кормиться не на что” (с. Подгорное, Воронежский уезд); “У нас тут очень голодно, как в 1920 г., так и сейчас в 1925 г., хлеба у меня сейчас ничего нету и картофеля, а так же всех продуктов для пропитания самого себя. По миру ходить с сумой – никто не дает, говорят: ‘Мы теперь равные стали, ни у кого нету’ (Б. Поляна, Воронежский уезд); “Гаврюша, у нас нынешний год для людей как 1921-й, избывают скотину и даже цепляются за барахло, корму нигде нету, хлеба почти и не спрашивай” (с. Хлевное, Воронежский уезд); “У нас сейчас страшный голод, так приходится всей Уткиной куда-либо бежать или умирать. Мука ржаная стала 2 руб. [за] пуд. Скотина стала без цены, потому что она худая и очень много выводят продавать на базар (с. Уткино, Воронежский уезд)”.¹²⁰

В одном из сел Новохоперского уезда на общем собрании граждан решали вопрос о доставке семенной ссуды. Зажиточные крестьяне за ее доставку установили высокую ставку, но беднота “демонстративно” покинула собрание и “этим, в конце концов, добилась понижения” платы. В другом селе они не хотели ехать за получением семенной ссуды. Беднота вынесла постановление: “лишить тех, кто не поедет, семенной ссуды и привлечь их к ответственности”. Предприниматели во всей губернии часто открыто выражало свое недовольство тем, что им не выдавали семссуды, мотивируя: “ее привез и уплатил своевременно налог”.¹²¹

Однако предоставляемая государством крестьянству помощь была недостаточной. Нехватка продовольствия толкала бедноту обращаться за помощью к односельчанам, имевшим хлебные запасы. Органы власти видели в этом “закабаление” бедняцкого элемента деревни, которое стремились пресечь. В “Информационных сводках ОГПУ” приводятся различные “случаи закабале-

119. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1422. Л. 194.

120. Цит. по: *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД*. Т. 2, с. 288.

121. ГАОПИВО. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 981. Л. 5.

ния”. Например, в Нижнедевицком уезде А. К. Белых за низкую плату брал землю у бедняцкого элемента.¹²² В с. Синие Липяги того же уезда А. И. Емычкин давал займы хлеб нуждающимся на следующих условиях: за взятые у него 10 пуд. Ему должны были отдать 20 пуд. и дать для засева на 1 год 0,5 дес. земли, за 1 пуд берет 1 пуд 10 фунтов и 1 сажень земли на 1 год. Милиция запретила ему такую выдачу, чем крестьяне возмущены и говорят: “Если власть не в состоянии оказать помощь населению, то пусть она не мешает делать эту помощь таким, как Емычкин, лишь бы не умереть с голоду”.¹²³ В сл. Буйловка Россошанского уезда Горянов раздал беднякам в обработку и в кредит до 600 пудов хлеба.¹²⁴

Определить размеры так называемого “закабаления крестьянства” в Воронежской губернии довольно сложно, так как сама беднота отказывалась от регистрации сделок в кресткомах или сельсоветах. Они боялись, что в следующий раз зажиточные крестьяне в подобных сложных ситуациях им не помогут.

Помощь сельских предпринимателей голодавшей бедноте рассматривалась как “закабаление”. В результате, они перестали выдавать хлеб под будущий урожай или за землю.¹²⁵ После этого взаимоотношения крепких хозяев с беднотой резко обострились. Последние, видя, что хлеб у “кулаков” есть, а они отказывали им в помощи, стали прибегать к крайним методам. По губернии прокатилась волна пожаров. В частности, в Нижнедевицком уезде пожары были в каждом селе, и пострадали в основном зажиточные крестьяне.¹²⁶ Следует заметить, что были и случаи безвозмездной помощи своим односельчанам. В с. Демшинске Усманского уезда владельцы мельницы братья Дьяконовы, начиная с марта 1925 г. еженедельно по субботам раздавали беднякам печеный хлеб от 5 до 10 пудов за раз. Представитель губернской власти охарактеризовал их деятельность следующим образом: “оказывая теперь (в голодный год) помощь беднякам, они себя застраховали от пожара и грабежа с одной

---

122. Там же. Д. 327. Л. 5 об.

123. *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД*. Т. 2, с. 322

124. ГАОПИВО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 80. Л. 46.

125. Там же. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 328. Л. 3 об.

126. Там же. Л. 4.

стороны, а также обеспечили в лице обращающихся за помощью клиентуру для своей мельницы”.¹²⁷

Учитывая, что значительная часть деревни была глубоко верующей, то можно предположить, что в данном случае совершались свойственные поступки для христиан – помощь ближним. В данном случае это только предположение. Хотя практически все партийные отчеты подчеркивали, что чем зажиточнее крестьянин, тем более он религиозен. Большинство членов церковного актива были из их числа. Они были и “хранителями” веры, особенно сторонниками тихоновского движения в Русской Православной Церкви. Например, Нижнедевицкий уком в своем отчете отмечал, что “активность кулака и зажиточной прослойки способствуют развитию тихоновского движения”.¹²⁸ Особый размах оно приняло на юге Воронежской губернии. Там же возникло новое религиозное течение – “федоровщина” по имени основателя движения Федора Рыбалкина. Известно, что он до революции служил в личной охране Николая II. В начале революции выступал как “борец с религией”. В 1922 г. занимался ссыпкой зерновых культур и обработкой земли, сумев создать “крепкое кулацкое хозяйство”. В конце 1922 г. стал изображать “святого юродивого”. Вначале Богучарский комитет докладывал, что в с. Н. Лиман появились “самозванцы”, выдавшие себя за членов императорской фамилии.¹²⁹ Органы ОГПУ объявили религиозное течение контрреволюционной организацией.¹³⁰ Таким образом, создание “федоровщины” было в русле исканий части общества периода нэпа. В ней сочетались религиозные, монархические, традиционные черты крестьянской жизни.

Происходили столкновения на религиозной почве и интересов бедноты и зажиточного слоя деревни. Так, в сл. Буйловка Россошанского уезда при перевыборах церковного старосты бедняки выдвигали своего кандидата, а зажиточные крестьяне – своего. При голосовании результаты оказались следующими: кандидат от бедняков получил 95 голосов, а от кулаков – 35 голосов. Собравшиеся решили снова голосовать. Священник заявил, что выборы прошли неправильно и предложил перевыбо-

127. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1212. Л. 6.

128. Там же. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 318. Л. 99.

129. Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 117. Л. 5.

130. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1955. Л. 1.

ры. Однако результаты повторного голосования оказались теми же. Во время этих споров дело дошло до рукоприкладства и беднота чуть ли не свершила самосуд над священником. Если бы не были приняты меры местной властью, то, наверное, без кровопролития дело не обошлось бы.¹³¹

Во время выборной кампании в советы и кооперацию интересы бедноты и сельских предпринимателей часто расходились. Крестьяне в начале 1926 г. говорили: “Новая экономическая политика во многом закабаляет бедноту, так как есть почва в деревне для развития кулачества”. Бедняки так же считали, что в целях борьбы с кулачеством – единый сельхозналог на бедноту “налагать” не надо, а “накладывать на кулаков” и “красных купцов”. Крестьяне говорили на сходах: “Нэпманы блаженствуют и испивают последнюю кровь у крестьян” и “в деревне все смешалось вместе – волки и овцы и последним – угрожает опасность”. Беднота высказывала обиду на Советскую власть и ВКП(б): “нельзя оставаться вполне довольными Соввластью и партией” из-за того, что “власть” дала им (кулакам) полную свободу, и они имеют доступ ко всему, а голытьба защищала ВКП(б), дралась на фронтах, а осталась не при чем”.¹³² В с. Карачан Новохоперского уезда один середняк заявил: “середняков и бедняков больше, чем зажиточных, и они всегда их побьют, чего бороться на выборах, потом бороться будем в деле”.¹³³

В 1926 г. еще до начала насильственной коллективизации из деревень поступали письма в центральные органы власти и средства массовой информации о возможности выселения кулаков. В частности, из д. Немчиновки Нижнедевицкого уезда поступил запрос в “Крестьянскую газету”, как сделать, чтобы кулаков выдворить из деревни.¹³⁴

Однако деревня с опаской воспринимала новшества и нововведения со стороны властей. Особую осторожность сельские жители проявляли к “чужакам”. Комиссия ЦК ВКП(б), работавшая летом 1926 г. в Острогожском уезде, отмечала, что крестьяне неохотно определяют кулака и стремятся доказать, что их в деревне нет. В одном селе им заявили, что кулаков нет, а “есть примерное хозяйство”. Только коммунисты сказали комиссии,

---

131. Там же. Ф. 105. Оп. 1. Д. 80. Л. 74-75.

132. Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 146. Л. 19.

133. Там же. Ф. 1478. Оп. 1. Д. 981. Л. 118.

134. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1650. Л. 164.

что у них в селе есть “кулацкие” хозяйства. При этом они не смогли дать их классификацию.¹³⁵ В сл. Терновое Коротояжской вол. крестьянин-бедняк говорил; “напрасно коммунисты делят крестьянство на группы: бедняков, середняков и кулаков. Мы давно поняли, что такое разьединение – ерунда и сплотились в одну неразделенную массу. Что касается перевыборов, то не все ли равно, кого выберут – бедняка, зажиточного, или середняка”.¹³⁶

Крестьянство, таким образом, проявило перед комиссией автономность крестьянской жизни и культуры. Для большинства населения ее представители являлись “чуждыми” или “пришлыми” людьми. Можно воспользоваться мнением американского историка А. Холмса, утверждавшего, что партийных представителей крестьяне встречали с недоверием и враждебностью, считая, что главной целью их приезда являлся сбор и повышение налогов.¹³⁷ Характерен и вывод, который делала столичная комиссия, что крестьяне Острогжского уезда “не хотят антагонизма, боятся”.¹³⁸

При организации перевыборной кампании в начале 1927 г. партийные органы столкнулись в ряде мест с трудностями проведения бедняцких собраний. В отдельных населенных пунктах губернии беднота, вопреки ожиданиям властей, продемонстрировала политический абсентеизм. Беднота слабо посещала бедняцкие собрания и не проявляла никакого интереса к будущему составу сельсовета. Так, например, в сл. Лушниковке на бедняцких собраниях двух избирательных участков присутствовало из 200 чел. всего 58 бедняков. В с. Мамон из 400 чел. бедняков на собрание явилось из них лишь 30 чел. Слабая активность бедноты объяснялась в числе прочего и боязнью восстановить против себя кулаков и зажиточных. Бедняк из Нижнедевицкого уезда заявлял, что “беднота не говорит против зажиточных потому, что мы безлошадные, находимся в кабале и нас, бедняков, совсем затоптали, никто не идет навстречу, зажиточные над нами смеются и проваливают наши кандидатуры”.¹³⁹ Член Ново-Чигольского сельсовета Бобровского уезда был убежден, что

135. Там же. Ф. 86. Оп. 1. Д. 280. Л. 3.

136. *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД*. Т. 2, с. 506

137. Л. Ю. Холмс, Указ. соч., с. 55.

138. ГАОПИВО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 280. Л. 3.

139. *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД*. Т. 2, с. 506

бедняки не идут на бедняцкие собрания из-за боязни восстано-
вить против себя остальное население.¹⁴⁰

В годы новой экономической политики крестьянству в целом были свойственны несколько типов сознания. Специалист по крестьянскому менталитету нэповской России И. Д. Ибрагимов выделил следующие пласты сознания: “государственно-централистский”, “традиционалистский”, “индивидуалистический, ориентированный на рынок”, “люмпенско-пролетаризированный”. Эти пласты составляли своеобразные ментальные макротипы, присущие различным группам сельских жителей.¹⁴¹

Однако все эти пласты были перемешаны в крестьянском менталитете на уровне группового и индивидуального сознания. Один и тот же человек мог, например, выступать за рыночные отношения в деревне, но против таковых в городе, требовать усиления власти и надзора центральных государственных органов и при этом отстаивать общинные принципы самоорганизации сельской жизни. Как подчеркивают А. Я. Лившин и И. Б. Орлов, общим настроением в двадцатые годы были дефицит социального оптимизма и нарастание недовольства своим положением и политикой власти в деревне.¹⁴² Однако, несмотря на это, сельское население оставалось наиболее законопослушной частью населения и в основном соблюдало все требования, которые, с их точки зрения, были “законными”.¹⁴³

Различные типы политического сознания обладали общими качествами: невозможностью для крестьян, предпринимателей стать полноправным субъектом политики, харизматическим восприятием власти и значительным потенциалом конфликтности. Нэп как стратегия гражданского мира ограничивал противоборство типов сознания. Сталинский вариант модернизации, предусматривавший ликвидацию частного капитала, среди но-

---

140. Там же.

141. Д. Х. Ибрагимова, “Рыночные свободы и сельский менталитет. Чего жаждал крестьянин при нэпе?”, Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы международной конференции (Москва: РОССПЭН, 1996), с. 262-69.

142. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, *Власть и общество: диалог в письмах* (Москва: РОССПЭН, 2002), с. 168

143. К. Б. Литвак, “Политическая активность крестьянства в свете судебной статистики 1920-х годов”, *История СССР*, № 2 (1991), с. 140.

сителей последнего типа сознания нашел социальную опору при осуществлении своей политики.

Воронежский государственный технический университет

Большая Дворянская улица.

ВОРОНЕЖЬ.

